

МАИЯ ФАР

Ненастоящая
ЖЕНА
ДРАКОНА

Майя Фар

Ненастоящая жена дракона

<https://litres.ru/73392583>

SelfPub; 2026

Аннотация

Поверила красавчику-дракону и чуть было не пропала. Осталась без денег, без работы и была вынуждена уехать в деревню, а там свои правила А у меня свои! Я же не просто юная сирота, а попаданка!

И, если бывший решит снова появиться, то его будет ждать сюрприз!

ХЭ гарантирован

Содержание

Пролог	5
Глава 1.1	7
Глава 1.2	10
Глава 2.1	14
Глава 2.2	17
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	29
Глава 6	33
Глава 7	39
Глава 8	46
Глава 9	54
Глава 10	62
Глава 11	69
Глава 12	77
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Майя Фар

Ненастоящая жена дракона

«Ненастоящая жена дракона»

Пролог

«Ненавижу драконов!»

Я лежала в траве и медленно умирала, сил кричать уже не было, да и не услышит никто. Сама, дура, виновата: ну зачем потащилась в жару, да ещё и одна? Вон хотя бы у Нинолли сына попросила в сопровождение, всё было бы кого за помощью послать.

Слёзы хлынули из глаз. Нельзя плакать, нельзя, и так сил не осталось. Рожали же как-то мои предки в поле, я помню, я у Шолохова читала. Или не у Шолохова? Как она родила, пуповину перегрызла – и нормально. Почему же я не могу-у-у-у-у?!

Вой у меня получился какой-то полузадушенный, я уже не чувствовала ног.

«Неужели так и помру здесь?!»

И вдруг надо мной пролетел... дракон. Огромный такой.
– Э-эй! – Я попыталась поднять руку: может, он увидит, подумает, что добыча, и спустится?

Но крик получился писком: голос-то уже сорвала, почти десять часов валяюсь.

И вдруг снова он, и как будто вглядывается. На второй круг пошёл, гад...

– Я здесь, здесь! – крикнула я из последних сил и почувствовала, что боковое зрение исчезает.

«Держись, Катька, держись!»

Дракон пропал.

«Вот же сволочь! Улетел!»

Надо мной вдруг показалось красивое мужское лицо, слегка светящиеся глаза указывали, что это дракон.

– Ненавижу драконов, – сказала я и всё-таки провалилась в обморок.

Глава 1.1

Чуть меньше года назад

Ещё несколько месяцев назад ни о каких драконах я и не думала. Год назад выпустилась из приюта, по разнарядке пошла работать на ткацкую фабрику. Не лучший, конечно, вариант. Но зато для работников ткацкой фабрики было общежитие, и не надо было уезжать из столицы. Для приютских это были очень даже хорошие условия.

А ещё я всё-таки надеялась, что поступлю учиться; на деньги, остававшиеся от небольшой зарплаты, покупала учебники и вечерами, когда девчонки шли гулять, готовилась к экзаменам и мечтала, что когда-нибудь скоплю денег и переберусь в отдельную комнату.

А потом началась война, и всего за один месяц жизнь изменилась. Работы у нас прибавилось, правда, платить больше не стали. Зато вместо восьми часов мы теперь работали по двенадцать. Просто фабрику переориентировали, и мы теперь выпускали какие-то специальные ткани для фронта. Сил не оставалось вообще ни на что.

Но все надеялись, что война долго не продлится, по визорам сообщали, что наша армия успешно продвигается вперёд, но народ шептался, что на самом деле это не так. Многие шли на фронт за большими деньгами, но я что-то не видела, чтобы оттуда возвращались.

Магические войны – страшная штука: живых людей, как правило, не остаётся. Ключевое слово – людей. А вот драконы – те выживали, но их было мало, и в один прекрасный день правительство объявило всеобщую мобилизацию.

Утром пришла на фабрику и увидела одних только девчонок, все обсуждали новости. Всех мужчин забирали на фронт, и, в связи с этим правительство ввело фронтовые браки, их можно было заключить за пятнадцать минут.

Действовало это только на тех, кто уходил на войну. В каждом районе открылись регистрационные конторы, куда можно было прийти и расписаться, а также получить ключи от номера в специальной гостинице, где можно было провести брачную ночь. Ведь правительство выдавало небольшую сумму и ночь отсрочки, а утром ты всё равно уезжал на фронт, но, по крайней мере, у тебя оставалась та, кто теоретически ждал тебя с фронта.

И теперь все девчонки, как сумасшедшие, каждый вечер бегали возле этих контор, рассчитывая встретить свою судьбу, потому что правительство каждой жене фронтовика ещё выплачивало небольшое пособие и можно было получать карточки на продукты.

Я ни в какой фронтовой брак влезать не собиралась, для меня до сих пор многое было непонятно в этом мире, хотя жила я тут уже восемь лет. Но живя в приюте, узнаёшь только одну сторону жизни.

А попала я в тело двенадцатилетней девочки, оказавшей-

ся вместе с родителями в крупной аварии. Родители девчонки погибли, а сама она ещё держалась, но, судя по тому, что в её тело попала я, она ушла вслед за родителями.

Зато я, Екатерина Таирова, получила возможность прожить ещё одну жизнь, правда, в другом мире.

Глава 1.2

Здесь были магия и драконы, но в остальном мир был очень похож на мой прежний, только вот как будто развитие его шло с перекосами. Что-то здесь было таким же, как в моём мире в начале двадцатого века: допотопные поезда, ретроавтомобили. А что-то – и это в основном касалось магии – было совершенно потрясающим. Вот только магия была у немногих избранных и у драконов.

Драконы вообще считались небожителями, а тем людям, у кого проявлялась магия, везло, они могли открывать свой бизнес и зарабатывать на своей магии, если её, конечно, было достаточно.

Иногда магии было мало и её хватало только на то, чтобы работать на кого-то, просто получая повышенную зарплату.

Земли все принадлежали драконам-владельцам, а власть – монарху-дракону. Войны были редкостью, но случались.

Вот мне повезло: когда я попала, никакой войны не было, но мои сложности были связаны с тем, что, по сути, мне было сорок пять, а попала я в ситуацию, когда мне двенадцать. В этом мире я ещё толком не начала взрослеть.

Памяти, конечно, мне не досталось. Я в первые дни вообще не могла понять: это я где? Ещё там, где мне должны были сделать операцию, после которой я, видимо, не выжила, или уже на том свете? И почему мне так больно?

Оказалось, что у девочки была страховка, хорошая, дорогая, и когда выяснилось, что она пришла в сознание, лекари начали исправлять травмы. Было очень больно, но я терпела, ещё в той жизни я привыкла к боли. А когда наконец-то с меня сняли какие-то силовые повязки, то я с удивлением обнаружила, что «помолодела» лет на тридцать с хвостиком. Хорошо ещё, мне хватило ума не признаваться, что я попаданка, а то бы меня в местную богадельню определили, как душевнобольную. А так в отсутствии родни просто отправили в приют.

И я считаю, что мне и вправду повезло, потому что после аварии, да ещё и в приюте, никто меня толком не знал, и никто не ожидал от меня больших знаний по этому миру. Пробелы в памяти и знаниях можно было списать на последствия от мозговой травмы при аварии, что я успешно и делала. Училась, узнавала реалии мира, узнавала о том, что в целом меня может ожидать.

Жаль, конечно, что ничего не знала про родителей Катрины. Радовалась уже тому, что получила такое вот созвучное своему имя, да и фамилия быстро стала мне родной – Тирросса.

Выпускников приюта особо много ничего не ожидало, но государство заботилось о своих воспитанниках, и приюты получали разнарядки на рабочие специальности. За два года до выпуска можно было выбрать себе специальность и начать

её осваивать, а фабрики и заводы получали готовую рабочую силу. Так я и попала на ткацкую фабрику, где и работала вот уже год.

Развлечений у нас было немного, на наши зарплаты особо не разгуляешься, а сегодня был прекрасный летний вечер. Война была где-то там, далеко, а здесь, в столице, царила атмосфера лета и какой-то бесшабашной вседозволенности, особенно с этими фронтовыми браками.

На улице возле регистрационных контор было много мужчин в военной форме. Девчонки из общежития каждый вечер бегали в поисках своей судьбы, и кто-то уже возвращался под утро и с колечком.

Сидеть одной в общежитии было скучно, молодость требовала приключений, а усталость наваливалась потом, под утро, когда организм отказывался просыпаться. А вечером хотелось гулять. И хотя я вовсе не собиралась выходить замуж вот так, по-быстрому, просто вышла прогуляться с девчонками.

После часа прогулки из восьми девчонок нас осталось шестеро, две уже выбрали себе мужей и убежали в регистрационную контору. Темнело, мужчины становились активнее, и я решила, что мне пора, распрощалась с остальными и пошла к общежитию, намереваясь лечь спать. Всё же смена начиналась в шесть утра, поэтому вставать приходилось рано. И вдруг я встретила его...

Дракон. Высокий, гордая посадка головы, копна золотых

волос, по-военному подстриженных, но не так коротко, как стриглись люди; голубые глаза, слегка светящиеся, необыкновенно красивое, мужественное лицо.

Драконы не бывали некрасивыми, они всегда были красивыми и недоступными. Драконы относились к местной аристократии и на людей, как правило, не смотрели. Вообще, их можно было определить не только по внешней красоте, но и по светящимся глазам: магия всегда была в них, и глаза выдавали её наличие. Сколько раз я слышала разговоры девчонок...

– Вот бы возле конторы встретить дракона и заключить с ним фронтальной брак, – говорили они.

А Таська, моя соседка по комнате в общежитии, деревенская, злая, всегда себе на уме, говорила:

– Глупые вы! Драконы не заключают фронтальные браки, потому что они несовместимы с людьми. У людей не может быть детей от драконов.

Дракон остановился прямо передо мной, перегородив мне дорогу. Он смотрел на меня так, как будто я была единственной женщиной во всём мире.

У меня от этого взгляда внутри всё задрожало. Я даже сама не поняла отчего: то ли от страха, то ли от предвкушения.

– Выходите за меня замуж, – просто сказал он.

А я вдруг подумала, что я особенная, и... согласилась.

Глава 2.1

Он предложил мне руку, и мы с ним зашли в ближайшую регистрационную контору. Девчонки, стоящие возле неё, смотрели на нас во все глаза, но никто не рискнул ничего крикнуть или подойти. А я не верила до конца. Но через пятнадцать минут я вышла из регистратуры, став госпожой Фронир.

Внешность у меня была обычная: светлые волосы, серо-голубые глаза, фигурка была стройная – на приютской еде особо не растолстеешь, а таких, как я, было много. Но рядом с ним я вдруг почувствовала себя необыкновенной.

Нам выдали ключи, но он отказался, наклонился ко мне и прошептал на ухо:

– Эта ночь должна стать самой лучшей для нас. Для тебя.

И она действительно стала таковой, наша брачная ночь. Я потеряла невинность с драконом в номере шикарного отеля, а не где-то в специальной общаге с хорошей слышимостью.

Когда я проснулась утром и поняла, что это был не сон, и солнце светило в красивое высокое окно, освещая непривычную для меня в этом мире обстановку, потому что за все годы моей жизни здесь я, кроме приюта и фабричного общежития, ничего не видела, дракон уже был одет.

Он крепко меня поцеловал, попросил не провожать его и

сказал:

– Жди меня.

И отправился на фронт.

А через месяц война закончилась, и все стали возвращаться домой, а мой дракон не вернулся.

– Да обманул он тебя, – сказала Таська.

На самом деле её звали Тасия Кливер, но все называли её Таська, отчего Тасия злилась, потому что считала, что Таська – звучит по-деревенски.

Лада, моя подруга (в комнате в общежитии мы жили втроём), сказала:

– Не слушай её, это она от зависти.

– Ой, – сказала Таська, – было бы чему завидовать.

– Стыдно, Тася, – сказала Лада. – А вдруг он погиб?

– Драконы не погибают, – сказала Тася. – Вон, слышали, генерал Ландер закрыл собой наследника и подорвался на магмине – и то выжил. Покалечился, правда.

Тасии в этом можно было верить, она специально покупала газеты, чтобы быть в курсе последних новостей на случай, если вдруг с ней познакомится приличный мужчина, чтобы ей было о чём с ним поговорить.

Так-то Тася не была плохой, просто немного колючей. Мы все вместе жили уже год, можно даже сказать, что это нас с Ладой к Тасе подселили, когда мы только выпустились из приюта. У Таси, в отличие от нас с Ладой, родители были живы, жили где-то далеко от столицы, в деревне, но она ни-

когда не рассказывала о них, из чего я сделала вывод, что семья у неё была неблагополучная. И как только она стала совершеннолетней, сбежала оттуда в столицу, поступив работать на фабрику.

Здесь у неё была цель – выгодно выйти замуж. Но параллельно она пыталась пробиться в бригады, чтобы быть ближе к инженерам. Она говорила, что они мужчины солидные, с образованием и хорошо зарабатывают. И Таська, в отличие от других девчонок, не заключала фронтовой брак, сразу сказала, что всё это баловство:

– Вот увидите, скоро война закончится, все придут и будут друг с другом разводиться.

А вот Лада заключила, и её муж вернулся. Сейчас они стояли в очереди, чтобы получить отдельную квартиру, потому что государство всем фронтовикам, заключившим фронтовые браки, пообещало отдельное жильё.

– Не переживай ты так, – сказала Лада, – а Таську не слушай. Она сама постоянно всем недовольна и хочет, чтобы у всех остальных было плохое настроение.

И вдруг Лада просияла, я поняла, что ей в голову пришла гениальная мысль:

– Давай сходим с тобой завтра в военное управление и всё узнаем!

Глава 2.2

И на следующий день мы пошли в военное управление. Я взяла с собой документ, по которому мы заключали фронтовой брак, там было написано имя моего супруга. Немолодая женщина с усталым лицом взяла документ, посмотрела, написала имя моего супруга на бумажку и куда-то ушла. Через некоторое время она вышла. Сердце у меня упало, как будто его привалило камнем, и на душе стало тяжело.

В руках у неё была коробка.

– Что это за коробка? – нервно спросила я.

– Кати, спокойно, – сказала Лада.

Я замолчала.

– Что это за коробка? – спросила Лада у женщины.

– Это вещи вашего супруга, – сказала женщина, обратившись ко мне.

– Как вещи супруга? Зачем? – конечно, я сразу всё поняла, но было как-то... обидно.

– Вот. Видимо, он не оставил адреса, где вас можно искать. Вот уведомление о его гибели, а вещи оставили здесь, в архиве, чтобы отдать по запросу. Да вы так не расстраивайтесь, – неожиданно проявила сочувствие женщина. – Сейчас я вам выпишу квитанцию, по которой вы сможете получить единовременное пособие как вдова погибшего на фронте.

Я взяла из рук женщины уведомление о его гибели. Не

сказать чтобы я его прямо сильно полюбила, но он всё-таки был моей сбывшейся мечтой. Да ещё и первым мужчиной. Глаза наполнились слезами, строчки расплывались, но я всё равно увидела, что цифры на уведомлении о его гибели не совпадают с цифрами на документе о регистрации брака. По уведомлению получалось, что погиб он за пару недель до того, как мы с ним поженились.

– Простите, пожалуйста, – сказала я, – но здесь, вероятно, ошибка.

Женщина снова взяла у меня из рук документ о браке и уведомление, устало вздохнула и сказала:

– Ну да, цифры не совпадают. Но, девушка, что вы хотите? Война была. И сейчас-то путаница в документах, разобраться не можем. А тогда-то... вообще, может, под снарядами писали.

– Да-да, конечно, – сказала я, – простите.

– Не задерживайте, пожалуйста, – вдруг как-то нервно сказала женщина. – Там наверняка ещё много людей.

Это было правдой, когда мы пришли, мы отстояли очередь, и за нами ещё скопилось довольно много людей. Слишком много было пропавших без вести, и люди пытались проверить информацию.

Лада взяла коробку, я – документы, и мы вышли из регистратуры.

– Не хочу идти в общагу, – сказала я, – там Таська будет злорадствовать. Давай посидим немного в парке.

Вот за что я любила Ладу: она всегда поддерживала меня. Мы присели на лавочку, я открыла коробку и попыталась найти фотокарточку супруга. Но из всех бумаг были только несколько писем с адресом какой-то территории (так назывались аграрные районы империи) и военная книжка, в которой было указано его звание. И там было маленькое фото, на мой взгляд, совершенно другого мужчины.

Глава 3

– Это не он, – сказала я Ладе.

– Подожди... Имя его – Ромалес Фронир? – Лада тоже стала внимательно рассматривать документ.

– Да, имя его. Но на фото не он. – Теперь я видела это совершенно точно.

– Слушай, – сказала Лада, – это же документ! Редко когда ты бываешь похож на свою фотографию в документе. Светлые волосы у него были? – спросила Лада, тоже всматриваясь в фото.

– Да, – сказала я, – золотые.

– Ну вот, здесь, на фото, тоже светлые волосы.

– А глаза?

– Глаза были голубые. Драконьи, светящиеся.

– Ну, на фото они вряд ли будут светиться, – деловито произнесла Лада. – Тем более что фото чёрно-белое. Может, какие ещё приметы?

– Какие такие приметы?

– Ну, родинка на носу была?

– Нет. – Я улыбнулась.

– Здесь тоже нет, – сказала Лада и добавила: – Значит, он.

– Ну ладно, что теперь-то? Он не он, всё равно его больше нет, – сказала я. – Пойдём в общежитие.

Что удивительно, Таська не злорадствовала, и я была ей

за это благодарна.

На следующий день я подала документы, и мне выдали целых сто монет единовременного пособия как вдове погибшего. И это было очень много, если учесть, что я всего пятнадцать монет получала в месяц на фабрике. Я положила их на счёт, а через неделю обнаружила, что с утра меня подташнивает, а ежемесячных признаков отсутствия беременности у меня нет.

Мой жизненный опыт, полученный в другом мире, подсказал, что я залетела.

Ещё одним преимуществом работы на фабрике было то, что мы могли воспользоваться фабричным врачом.

Таська сказала, чтобы я взяла шоколадку. Вот же человек, везде знает, как надо, в моём мире точно бы выжила.

После смены я зашла в медицинский кабинет, и за шоколадку у меня сразу взяли анализ, не стали записывать на другой день, запустили его в маганализатор, и фельдшерица, которая дежурила в кабинете (врача-то для фабричных было дорого держать), подтвердила, что я беременна.

– Это точно? – спросила я. – Вы не могли ошибиться?

– Ну, я-то, может, и могла, – сказала пожилая фельдшерица, – но магический анализатор не ошибается. Ты беременна. Муж-то хоть есть?

– Есть, – сказала я, поначалу растерявшись, потом испра-

вилаась: – То есть был.

– А-а-а, фронтовой брак, – как-то без особого энтузиазма протянула она.

– Да.

– Ну смотри, девка, пока могу не докладывать начальству, но сама знаешь, если работать не будешь, с фабрики могут и погнать.

Это меня реально сильно перепугало, потому что я пока себе не представляла, чем ещё могу заниматься в этом мире.

Может, пора было задуматься, хотя специальность в прошлом у меня была так себе – менеджер по продажам, нас таких много было. Когда молодая была, работала во фруктовой компании, фрукты и овощи по базам продавали, а потом перешла в торговую сеть. И вот как мне всё это в новом мире могло пригодиться?

Погрузившись в мысли о том, как теперь изменится моя жизнь, я вернулась в общежитие.

Села за стол, он был один, но девчонки не занимались, поэтому он всегда был свободен; чтобы успокоиться, стала делать тесты: беременна там или нет, а прозябать на фабрике всю жизнь я не собиралась.

Вскоре дверь открылась, и в комнату вбежала радостная Лада. В руке у неё было две бумажки, которыми она размаживала.

– Опять зубришь? – спросила она. – Ты что такая грустная? Посмотри, что мне досталось, два билета на театраль-

ную постановку! Бесплатно!

Это было действительно большой удачей, потому что билеты в театры стоили дорого, и, если удавалось сходить хотя бы раз в год, это уже можно было считать праздником.

– Откуда такое богатство? – спросила я.

– Да Шерну, – так звали мужа Лады, – на работе подарили. А он сегодня дежурит, поэтому повезло не только мне, но и тебе, потому что вместо Шерна я пойду со своей лучшей подругой.

– Спасибо тебе, Ладка, – сказала я.

– А что ты всё-таки такая грустная? – спросила она.

– Я беременна, – сказала я и показала Ладе бумажку, которую выдал магнализатор.

– Ого! – Лицо у Лады вытянулось, и она так и села на свою койку. – Что, правда?

– Да, – сказала я.

– Подожди... Ты же сказала, что он дракон.

– Был, да.

– Но Таська сказала, что люди от драконов не беременеют!

– Ну а мне вот повезло, – сказала я.

– Во дела! – По виду Лады было видно, что она не знала, радоваться или огорчаться.

– Ладно, давай подумаем об этом завтра, – сказала я. – Сегодня – в театр.

Мы быстренько оделись и побежали, поглядывая на часы. Общежитие находилось на окраине города, а театр, конечно,

в центре. Но мы всегда старались сэкономить на транспорте, поэтому, особенно в хорошую погоду, предпочитали ходить пешком: и для здоровья полезно, и для кошелька. Но поскольку до представления оставалось уже немного времени, пришлось всё-таки потратиться на трамвай.

Мы вылезли из трамвая и побежали к большой лестнице, которая вела к входу в театр. Лестница была разделена на две половины: одна половина – для тех, кто занимал партер и ложи, и на ней была расстелена ковровая дорожка; а другая – для тех, кто сидел на галёрке. Естественно, мы были на другой половине, на той, что попроще.

Но вдруг моё внимание привлекла пара, они только что вышли из красивого, блестящего автомобиля. Мужчина был явно дракон: высокий, красивый, с копной пшенично-золотистых волос, в смокинге. Приоткрыв дверцу автомобиля, он подал руку женщине с красивыми платиновыми волосами; женщина была одета в красное вечернее платье, облегающее великолепную фигуру.

Его волосы и привлекли моё внимание, потому что такие же были у моего погибшего «мужа».

Женщина вышла из автомобиля, мужчина выпрямился и развернулся, и я вдруг увидела, что это и есть он – мой муж.

Глава 4

– Лада, это он! – вскрикнула я.

– Да кто он-то? – спросила Лада и, перехватив мой взгляд, повернулась в сторону пары, которая уже поднималась по лестнице.

– Это мой муж!

– Что, вот тот красавец с блондинкой?

– Да, это он.

Лада посмотрела на меня как на умалишённую.

– Подожди, – сказала она, но меня уже было не остановить. Я рванула в ту сторону лестницы и крикнула ему:

– Ромалес!

Мужчина не среагировал. Тогда я перелезла через ограждение, краем глаза увидев, что ко мне устремился сотрудник охраны, но я была быстрее. Я подбежала, встала прямо перед ними, убедилась, что это совершенно точно он. Отметила удивлённые глаза женщины, чуть отступившей за его плечо.

Я посмотрела прямо ему в лицо и сказала:

– Ромалес, это я. Привет!

И я уверена, что мне не показалось, я увидела в его глазах узнавание. Но лицо его осталось холодным.

Он легко улыбнулся и спросил:

– Девушка, вы кто?

– Ромалес, это же я, Катрина! Помнишь, десятого дня первого месяца злоты* ты уходил на фронт и заключил со мной фронтовой брак!

(*В этом мире четыре сезона: травня (лето), злота (осень), беляна (Зима), песня (весна))

На лице мужчины, да и сопровождавшей его женщины, возникло облегчение.

– Девушка, вы ошиблись, мы не заключаем фронтовые браки, – сказал мужчина.

И тут меня схватила охрана.

– Ну как же так, ты не помнишь меня?! – Я вырывалась, мне не верилось, что он может вот так просто сделать вид, что не узнал меня.

– Девушка, милая, простите, – мягко сказал он, и они прошли мимо.

Я сбросила с себя руки охраны, сказала им:

– Я уже ухожу, не надо меня трогать. – И перешла обратно на другую сторону лестницы, чувствуя себя вообще морально раздавленной.

Лада схватила меня под руку, потащила в сторону театра:

– Блин, Кати, ну ты даёшь! Когда ты рванула на ту сторону лестницы, я подумала: всё, сейчас тебя арестуют!

– Лада, это точно он, – сказала я. – И даже если он сказал, что не узнаёт меня, я уверена, что он узнал.

Я подняла глаза и увидела, что Лада смотрит на меня с сочувствием.

– Ты чего, мне не веришь?

– Да верю я тебе, верю, – сказала Лада.

Мы попытались пройти в театр, но нас, конечно, туда не пустили.

– Лада, прости, – сказала я, когда мы пешком пошли обратно.

Было грустно, хотя билеты нам удалось продать. Но грустно мне было из-за того, что я не совсем понимала, что происходит.

В голове складывалась странная цепочка событий: «Вот Таська говорит, что драконы не заключают фронтовые браки, потом мне попадается дракон, предлагает заключить брак, после приходит новость, что он погиб, а по документам выходит, что он погиб за две недели до того, как мы поженились».

Они действительно перепутали документы или это была шутка?

Когда мы пришли в общежитие, Таська удивилась, но мы не стали ей рассказывать, что произошло, сказали, что продали билеты. Это для Таськи было понятней.

А ночью в нашу дверь постучала комендантша и вызвала меня. И вот это было удивительней всего. Чтобы наша пожилая комендантша сама поднялась на третий этаж – это, наверное, сам владелец фабрики должен был приехать и лично ей приказать.

– Иди, там к тебе пришли, Тиросса, – с недовольным ли-

цом вызвала меня по фамилии она.

– Кто? – спросила я, включая маленький фонарик, чтобы не разбудить остальных.

– Этого я не знаю, а велено привести.

– Не пойду я.

– Иди уже, там к тебе дракон пришёл, – соизволила сказать комендантша.

Глава 5

Прийти ко мне мог только один дракон, собственно, больше знакомых драконов у меня не было.

И, спустившись, я увидела своего «мужа».

– Нам надо поговорить, – сказал он и открыл дверь на выход из общежития.

Зная нашу комендантшу, она потом могла меня и не впустить обратно, а я была в халате, поэтому я, может, немного резко сказала:

– Говори тут.

Дракон посмотрел на пожилую комендантшу, заинтересованно уставившуюся на нас. Я ещё подумала, что ей покорна, наверное, не хватает.

– Есть свободная комната? – спросил он.

– Есть, – недовольно ответила она и ехидно добавила: – Только там кровати нету.

Я метнула в её сторону уничижительный взгляд, но ей было всё равно.

Комендантша дала ключи от своей каморки. Там было пыльно, стоял стол и всего один стул, поэтому я не стала садиться, а встала, скрестив руки на груди, и молча посмотрела на него, ожидая пояснений.

– Прости, – неожиданно миролюбиво сказал он. – Я не

думал, что мы вот так вот встретимся. Мы же практически из разных миров, поэтому не ожидал...

– Вы кто вообще? – спросила я.

– Если ты об имени, то имя у меня совсем другое, – сказал он.

– А чьё тогда было имя того, за кого я вышла замуж? – спросила я.

– Я не знаю. – Дракон пожал плечами. – Какой-то солдат погибший.

– Значит, то, что этот солдат погиб задолго до того дня, как мы поженились, это правда?

– Да, – сказал он. – А откуда ты знаешь?

– Я ходила в регистратуру, – рассказала я, – и там мне выдали его вещи и документы. Было несложно сопоставить дату брака с датой гибели.

– Ну да, глупая получилась шутка. Прости. Я готов заплатить. Сколько нужно? Тысячу? Две тысячи?

– Да всё было бы нормально, – сказала я, – и деньги бы мне не помешали, но у меня другая проблема.

– Какая? – спросил он, и я могла поклясться, что он был уверен в том, что решит любую проблему.

– Я беременна.

И как только я это сказала, лицо его исказилось от ярости. Сразу стала понятна его нечеловеческая сущность.

– Зачем ты лжёшь?! Я же хотел по-хорошему! – уже совсем другим тоном сказал он мне.

– Я не лгу! Я сдала анализ, у меня и справка есть!

– Нет! Ты можешь быть беременной, но зачем ты врешь, что это мой ребёнок?!

– Но у меня больше никого, кроме вас, не было! – почему-то растерявшись, пролепетала я.

– Ты понимаешь, что я дракон?! – Глаза его засверкали ещё ярче.

– Да, конечно. – Я вжалась в стену, потому что он реально меня напугал.

– Между драконами и людьми не может быть детей! Иначе бы я не решился на эту злую шутку! Я признаю свою ошибку и готов за это заплатить, но я не собираюсь брать на себя нагулянных с кем-то детей!

Я даже задохнулась:

– Да как вы смеете?!

– Я смею! – зашипел он, как змей какой-то, а не дракон. – А с кем ты развлекалась тут после того, как вышла за меня замуж, этого я не знаю. И обращайся к тому, чей это ребёнок, а не ко мне!

Дракон замолчал. Я стояла зажмурившись.

– Сколько денег тебе надо? – спросил он таким тоном, словно я была последней грязью.

– Да пошёл ты, – сказала я ему, – нисколько мне от тебя не надо! Исчезни из моей жизни!

И я вышла из каморки, попыталась хлопнуть дверью. Но, судя по тому, что хлопка не последовало, скорее всего, дра-

кон придержал дверь. Я буквально взлетела по лестнице на третий этаж, зашла в комнату и легла спать. Долго не могла уснуть, я задыхалась от злости.

«Но какая же сволочь этот дракон!» – думала я, а под утро всё-таки уснула.

Будильник прозвенел, я проснулась невыспавшаяся, с обратительным чувством, что меня использовали.

По пути на фабрику всё рассказала Ладке, она-то точно знала, что я ни с кем вообще не встречалась, что я вообще даже не смотрела на других парней. Ну, вроде как рассказала подруге – и стало чуть легче. Потом работа – отвлеклась, монотонность операций успокаивала.

Думала: ничего, как-нибудь прорвусь и без этого гада. И тогда я первый раз себе сказала, что ненавижу драконов.

Но, как ни старалась его забыть, через день он снова ворвался в мою жизнь.

Снова ночь, и снова стук в дверь, и снова комендантша меня вызвала. Пришлось спускаться.

– Что вам надо? – спросила я.

А он схватил меня за шею, прижал к стене и как зашипит:

– Забери своё заявление из штаба! А если ты ещё хоть кому-то попробуешь рассказать свои бредни, ты пожалеешь! И сейчас ты добилась только того, что теперь я хочу, чтобы ты исчезла из города! Даю тебе три дня!

Глава 6

– Да в чём дело? – Я не понимала, что ему надо. Какое заявление? Какой штаб?

– Не притворяйся! Хорошо, что письмо попало к моему другу! Иначе я просто-напросто тебя бы убил, и поверь, мне ничего бы за это не было!

– Я ничего не понимаю, – пробормотала я, – я даже вашего имени настоящего не знаю.

– Мне надоела твоя ложь! Повторю! Тебе не надо ничего понимать, но, если через три дня ты не исчезнешь, пеняй на себя!

Теперь он выскочил из каморки и хлопнул дверью так, что я думала, что общежитие развалится.

Я стояла, держась за шею, всё ещё ощущая хватку железных пальцев на своей шее. Дверь отворилась, и в проёме показалась голова комендантши:

– Жива?

– Жива.

– Может, полицейских вызвать? – спросила она.

– Да не надо, спасибо вам.

– Что ты ему сделала-то?

– Правду сказала, а драконы – они правду не любят.

– Да, – закивала комендантша, – с драконами лучше не

связываться.

«Ненавижу драконов», – подумала я.

А утром выяснилось, что заявление всё-таки было, только написала его Ладка.

– Да, – ответила она, – я писала. А что они себе позволяют? Он чего думает, на него управы нет? Шерн мне помог узнать его имя. Он, кстати, при главном штабе служит, там, где полк Шерна охрану несёт.

– И как его зовут? – зачем-то спросила я.

– Рудольф Бастиани, – сказала Лада с такой злостью, как будто выплюнула.

Тасия тут же фыркнула:

– Бастиани – так себе семейка, особым богатством не отличаются. В альманахе их нет.

Мне было всё равно есть эти Бастиани в каком-то там альманахе или нет, я снова спросила Ладку:

– И что дальше?

Лада, поджав губы, ответила:

– Дальше я пошла в штаб, он же военный, и написала то, что ты мне рассказала.

Я прикрыла лицо рукой.

– Лада, зачем?

– Ну как зачем? Они, значит, развлекаются за наш счёт. А мы что, молчать должны?

– Лада, забери, пожалуйста, заявление, – сказала я. – Я прошу тебя, он сказал, что если не заберём, то он сделает

всё, чтобы я уехала из города.

Вечером Лада пришла и принесла заявление, которое она оставляла в штабе, и я уже думала, что буря прошла, но через три дня меня вызвали к управляющему фабрики, и он, стараясь не смотреть на меня, сообщил, что я должна написать заявление об увольнении по собственному желанию, иначе меня уволят.

– Уволят? – удивилась я. – А по какой причине?

– По причине нарушения должностной инструкции, – сказал управляющий.

– Я ничего не нарушала, – попыталась сказать я.

Но управляющий, понизив голос, сказал:

– Мой вам совет: напишите по собственному.

– Но я же тогда лишусь жилья! – возмутилась я.

– Лишитесь, – ответил он, – но у вас будет пара дней, чтобы найти себе новое.

– А если я не напишу? – спросила я, уже подозревая, каким будет ответ.

– Тогда мне придётся пустить в ход вот этот протокол, – сказал управляющий.

И он показал мне уже составленный протокол, в котором были какие-то три неизвестные фамилии, которые засвидетельствовали то, что из-за того, что Катрина Тиросса нарушила технику безопасности, вышел из строя дорогостоящий агрегат.

– Девушка, если вы не напишете по собственному жела-

нию, – сказал управляющий, – мне придётся повесить на вас компенсацию за поломку этого агрегата. А это ни много ни мало несколько сотен тысяч монет.

И тогда я ещё не поняла, что это только начало моих проблем. Я не подписала заявление, рассчитывая записаться на приём к директору фабрики.

А вечером я возвращалась со смены. Вторая смена заканчивалась поздно, но, как правило, даже в нашем рабочем районе было нестрашно идти вечером, потому что в основном все ложились спать рано или шли со смены. Улицы были пустынные, но безопасны. И когда мне оставалась пара кварталов до общежития, из-за угла вдруг вышло несколько мужчин. Их было трое.

– И что это мы ходим так поздно одни? – мерзким голосом вальяжно произнёс один из них.

– Я спешу, посторонись, – сказала я и попыталась их обойти.

Но один из них без всякого предупреждения схватил меня поперёк живота и притянул к себе, прижав к себе спиной. Он больно ухватил меня за грудь, я заорала, тогда он зажал мне рот, а другой рукой полез мне под юбку.

– Люблю, когда сопротивляются, – сказал он.

А ещё я с ужасом увидела, как двое других подходят и с интересом смотрят на то, что он делает.

Наконец мне удалось преодолеть отвращение и укусить

его за руку, и он меня оттолкнул.

– Ты смотри, какая кусачая краля, – сказал он.

Я упала на колени, но сразу вскочила, намереваясь убежать, но обратила внимание, что мужчины больше не собирались на меня нападать. Один из тех, кто смотрел, сказал мне:

– Тебе велели передать, что у тебя осталось два дня. Не уедешь из города – пожалеешь!

И они растворились в темноте. Тогда я поняла, что это послание от моего «мужа».

Не помнила, как добралась до общаги, даже Таська не стала злобедничать, глядя, как я рыдаю и как Лада смазывает мне разбитые коленки обеззараживающим кремом. Даже наоборот.

– Знаю я таких, – сказала Таська. – Уезжать тебе надо, драконам всё с рук сходит, пропадёшь, и всё.

– А куда мне уезжать? – спросила я прерывающимся от непрекращающейся истерики голосом.

– Ну, я бы тебе предложила к моим в деревню, – сказала Тасия, – но там ещё хуже.

И тут вдруг Лада говорит:

– Слушай, а у твоего мужа там в письмах какой-то адрес.

– Так он же мне на самом деле не муж, – сказала я.

– Ну как не муж? По документам – самый настоящий муж, – сказала Лада, а Тасия кивнула.

Лада принесла коробку, которую мы спрятали за кровать,

и мы начали перебирать и смотреть на письма. И действительно, письма приходили с адреса Норлеттской территории, и даже название поселения было Утоль, и номер дома.

– Я считаю, тебе надо ехать туда, – сказала Лада. – А с фабрики тебе надо самой уволиться, чтобы у тебя в записях не осталось, что тебя уволили. Завтра же напишешь заявление, купим билет, и вечерним поездом уедешь.

Я была совершенно разбита, все мои планы летели к чёрту, но, проснувшись утром, я поняла, что действительно это лучший вариант. Скоро у меня начнёт расти живот, на работу в городе меня никто не возьмёт, так ещё эти страшные бандиты.

Вечером я уже сидела в поезде, увозящем меня на юг. Радовало то, что там и зимы короче, а лето дольше, но что меня там ждёт, я не знала.

Глава 7

Благодаря тому, что у меня был статус вдовы и соответствующие выплаты, деньги у меня на первое время были. Поэтому билеты на поезд мы купили во второй класс, и ехала я с относительными удобствами.

В поезде можно было поесть, но дешевле и, что там уж говорить, вкуснее еда была на остановках, на железнодорожных станциях.

Я прямо даже своё детство вспомнила. Несмотря на то что мир другой и магический, а пожилые старушки в опрятных платьях с корзинками, накрытыми чистыми тряпицами, и здесь, на железнодорожных станциях, стоя на перроне, продавали пирожки и крутыши.

Крутыши – это местное блюдо: кусочки курицы или говядины, либо прожаренные, либо копчёные, заворачивались в тонкую лепёшку с соусом. Было очень вкусно.

Ехала я примерно часов двадцать. За это время в вагоне, где я находилась, у меня сменились трое попутчиков, и уже когда оставалось ехать несколько часов, на освободившееся место пришла моложавая, но не юная женщина. Я бы дала ей около сорока лет. Выглядела она прекрасно, слегка полная, но такая приятная полнота, не жир. Светлые волосы, круглое улыбчивое лицо, простое, но новое платье.

Мы с ней разговорились. Оказалось, что у неё тоже супруг

погиб на войне, и теперь она едет к его родителям. Постепенно мы с ней перешли на «ты».

– А ты куда едешь? – спросила она.

Я рассказала, что сирота, еду к матери мужа. Никогда вот её не видела, но так сложились обстоятельства, что заключили мы с ним фронтовой брак.

Женщина даже рот рукой прикрыла:

– Расскажи, чего, правда, что ли?

Оказалось, что это в крупных городах в основном много фронтовых браков назаклучали. А в деревнях да в маленьких городах эта государственная инициатива вызвала резкое порицание, и воспользовались ею единицы – те, кто не мог получить разрешение родителей перед отправкой на фронт, или те, у кого не хватало денег на свадьбу, и они её откладывали. Но вот так вот, как в большом городе, сегодня познакомились, а через час уже праздновали свадьбу – такого не было.

Ну что мне было рассказывать? Я предполагала, что тот, кто погиб, человек. Хорошо, если у него была магия. Я-то купилась на дракона, который оказался земляным червяком.

– Да чего там рассказывать, – сказала я. – Гуляли с девочками, а тут он, такой красивый... Ну я и не устояла.

В глазах моей новой приятельницы, которую звали Нинолли, появились слёзы.

– Ой, как мне вас жалко! Молодые вы совсем, даже не пожили вместе, – сказала Нинолли с искренним огорчением

в голосе, а потом добавила: – У меня-то с мужем трое детей. Я их уже отвезла сама, вот ездила дом продавать свой, теперь вот сама еду.

Помолчала немного, как будто что-то вспоминая, не знаю, может, мужа своего вспомнила, а может, и детишек. Я тоже молчала.

– А по какому же адресу мать-то твоего мужа живёт? – вдруг спросила моя новая знакомая.

Я сказала, что Норлетская территория, поселение Утоль.

– И я там же живу! Ну-ка, дай посмотреть на адрес! – воскликнула Нинолли.

Я показала ей конверт с адресом, и Нинолли улыбнулась:

– Слушай, так мы же с тобой соседи! Я же живу теперь в этом поселении, и у меня-то номер дома пятый, а у тебя, посмотри, семнадцатый, и на одной улице!

– Я вот только не знаю пока, там никого, – ответила она, когда я спросила, знает ли она мать моего «супруга». – Пока только вот перевезла детей, вещи и вот съездила, продала дом.

А я всё равно обрадовалась, подумала, что у меня уже в соседях такая приятная женщина.

Нинолли производила впечатление неунывающего и лёгкого человека, такая деловая, разговорчивая. Рассказала мне, что люди в этом поселении, как и везде на юге, занимаются сельским хозяйством.

– Города-то кормить надо, – сказала Нинолли. – Ты же видела, в городе-то одни заводы да фабрики, ничего нет. А земли все принадлежат владельцам, а мы их, значит, арендуем. – Вдруг она как будто пригорюнилась: – Вот только тяжело вам будет без мужчин-то...

– А что такое? – встревоженно спросила я: вот так и знала, что какой-то подвох будет.

– Ну, так как основное условие-то проживания на этой земле – её обработка, и, как правило, в таких местах селятся люди, у которых есть магия, хоть немножко.

– А что, без магии землю нельзя вырабатывать? – спросила я.

– Да чего ж нельзя? Можно, но сил требуется гораздо больше.

– А у тебя есть магия? – спросила я.

– Да совсем чуть-чуть, так, знаешь: ранку заговорить могу, на коленку подуть ребёнку – и боль проходит. И потихоньку могу в накопитель сливать. А хозяйственной магией у нас мой свёкор обладает. Вот он-то и поддерживает те поля, которые у него в аренде от владельца.

Мне стало не по себе, но потом я подумала: а может быть, у матери моего мужа есть такая магия?

«Ладно, – подумала я, – разберусь».

Так, за разговорами, и прошли эти несколько часов, и вскоре мы прибыли на станцию «Норлетт».

Сам вокзальчик был маленький, здание вокзала – бук-

важно какая-то коробочка, но сделано красиво, с любовью. Вокруг сразу чувствовалось, что это юг: зелёные кустарники с розовыми цветами, да и воздух был насыщен чем-то необычно невероятным.

– Магнолии цветут, – сказала Нинолли. – Ещё две недели такой аромат будет. Я сама когда приехала сюда первый раз, словно голова начала кружиться от этого аромата – настолько он мне понравился.

Нинолли встречал свёкор. Мне повезло, они меня подвезли. Потому что от железнодорожной станции можно было пройти пешком, но это было примерно два – два с половиной километра. А так у него была обычная такая колхозная телега, запряжённая двумя лошадками, и мы довольно быстро доехали.

Свёкор у Нинолли был человеком серьёзным; взглянув на него, я сразу поверила, что на нём весь их дом и бизнес держатся.

Я рассказала, что я вдова Ромалеса Фронира.

Свёкор Нинолли посмурнел.

– Ой, нехорошо, – сказал он. – А ведь мать-то надеется, ждёт, ждёт... Похоронка-то Марисе не пришла. Ты же, небось, её получила?

Я кивнула:

– Да, и похоронку я получила, и вещи его получила.

– Ну ладно. Сейчас вот Ноллу высажу и тебя отвезу.

Мы тепло распрощались с Нинолли, она пообещала загля-

нуть.

– Да и ты заходи, – сказала она, а я подумала: это каким же надо быть уверенным в себе человеком, чтобы вот так вот запросто в дом родителей мужа всех приглашать.

И я уже думала, что свёкор Нинолли, что-нибудь скажет, но он промолчал.

Домá в Утоли были шикарные. Всего несколько домов было в один этаж, а в основном все там были в два этажа, выстроенные из камня. Какие-то дома были красиво оштукатурены, а на каких-то была облицовка то ли из плитки, то ли из натурального камня – я так и не поняла. На многих домах вился зелёный плющ или виноград, а заборы были невысокие, типа палисадников, и во многих дворах действительно цвели магнолии.

Дом, возле которого остановился свёкор Нинолли, тоже был весьма добротно сделанный, выглядел богато. Он был в два этажа. Любопытно, что магнолий в этом дворе не было, но были какие-то пышные кустарники, на которых распускались розовые цветочки, и мне показалось, что они пахнут хоть и не так ярко, как цветки магнолии, но всё равно нежно и приятно.

– Вот и приехали, – сказал свёкор Нинолли. – Это все твои вещи, что ли?

– Да, – кивнула я, – не нажила пока добра.

– Ну ладно, – сказал мужчина, – поеду я домой, устал. Сегодня работы было много.

И внимательно так на меня посмотрел. Мне показалось, он ещё что-то хотел спросить или сказать, но не стал и уехал.

Я подошла к калитке, она была защёлкнута с той стороны, но, поскольку она была низкая, защёлку я легко отомкнула и зашла. Прошла по дорожке, ведущей к дому. Во дворе ничего не было видно, зато вдоль дорожки были совершенно шикарные клумбы с какими-то просто фантастическими сочетаниями цветов. Я подумала, насколько должен быть талантливый человек, чтобы создавать такие необычные картины из обычных цветов.

Я постучалась – мне никто не ответил. Я постучалась ещё громче – мне снова никто не ответил. Я толкнула дверь, оказалось, что она открыта, и я вошла в дом. Вспомнила, что свёкор Нинолли назвал мать моего «мужа» Марисой, да и в письмах в адресе было указано это имя.

– Мариса! Мариса! – позвала я.

Но в доме стояла тишина, и я испугалась. «А вдруг с ней что-нибудь случилось?» – подумала я.

И вдруг я услышала слабый стон. Я поставила саквояж и пошла на звук, заглядывая в каждую комнату. Зашла в большую гостиную и увидела лежащую на полу женщину.

Глава 8

Я увидела лежащую на полу женщину и бросилась к ней. Похоже, лежала она давно, но главное, что была жива, хотя и без сознания. Женщина была пожилая и довольно полная, я не стала рисковать и пытаться её поднять, тем более что, видимо, ей стало плохо давно, потому что она сходила под себя, и теперь её надо было помыть и переодеть. Но я, по крайней мере, постаралась переложить её удобнее, под голову подложила мягкую подушку с дивана. Попробовала привести в сознание, чтобы напоить водой, протёрла лицо влажной тряпкой.

В себя она не приходила, и я всё же решила её протереть и переодеть. Нашла в доме довольно прилично оборудованную ванную комнату. В доме был водопровод, вот только кран для горячей воды присутствовал, но почему-то горячая вода из него не шла, а холодная лилась нормально.

Пошла на кухню, разобралась там быстро, плита работала на специальном нагревательном артефакте, и запустить его мне труда не составило. В приюте нас обучали обращению с плитами, построенными на артефактах, поэтому, разобравшись, я нагрела воды и пошла ухаживать за женщиной.

Убрав за ней и протерев насколько могла её саму, я подумала, что это даже хорошо, что она лежит не на кровати. Она так и не пришла в себя. Я отыскала в доме простыню

и сделала ей что-то наподобие подгузника, ноги прикрыла шерстяным пледом. А уже когда заворачивала ноги, вдруг почувствовала, что в спину кто-то смотрит. Повернулась и обнаружила, что Мариса пришла в себя.

– Вы кто? – раздался слабый голос.

– Здравствуйте, я Катрина, – сказала я, решив, как советовала Тасия, действовать так, как будто имею на это право. Тасия где-то выяснила, что вдовы имеют право проживать в доме мужа. – Вот приехала к вам, а вы тут лежите...

– Катрина? – спросила она слабым голосом.

– Катрина Фронир, – решила я уточнить.

В глазах у неё сначала появился вопрос, а потом вдруг возникло понимание.

– Катрина Фронир? – снова переспросила она.

– Да, – сказала я, – я вдова вашего сына. – И сразу решила уточнить, чтобы потом вопросов не было: – Это был фронтальной брак.

Глаза женщины заблестели от слёз.

– Что с вами случилось? – спросила я, подумав, что, возможно, мой вопрос остановит приближавшуюся истерику.

– Похоронку получила, – сказала женщина. – Вот ноги и отнялись. Как стояла, так и упала. Сначала звала на помощь, но здесь, у нас в доме, стены хорошие, никто так и не услышал. А потом, видно, уснула или сознание потеряла...

– Встать можете? – спросила я. – Я бы вас на кровать переложила, а то, хотя я постаралась подстелить, нехорошо ле-

жать на полу: может и просквозить.

– Я попробую, – сказала Мариса.

Отсутствие реакции на моё появление я списала на то, что женщина была очень слаба.

Поднять Марису получилось с большим трудом. Ходить она не могла, но на ногах стояла. Мне удалось усадить её в кресло, но до кровати я бы её не дотащила, нужен был кто-то посильнее меня.

По словам Марисы, похоронка пришла только вчера, и я подумала, что она была отправлена после того, как мы заявили с Ладкой в архив. Скорее всего, там всё лежало в каких-то папках, а уж раз мы сделали запрос и вытащили документы погибшего мужчины на свет, то, видимо, ведомство посчитало своим долгом разослать эти документы по всем имеющимся адресам.

Когда Мариса встала, то обнаружила, что я накрутила ей «подгузник», и женщина покраснела.

– Не переживайте, Мариса, – сказала я, – просто вы сутки пролежали без сознания, и это нормально, что ваш организм избавился от ненужных жидкостей. Я вас помыла и просто не могла переодеть, поэтому замотала простыню.

После того как я это сказала, Мариса почему-то посмотрела на меня совсем другими глазами.

А что? У меня опыт был по уходу за лежачими. Я ещё когда совсем молодая была, за бабушкой своей ухаживала

лежащей, вот руки и помнят.

– Спасибо, Катрина, – сказала Мариса. – Мне повезло, что вы приехали именно сегодня, а то бы лежать мне ещё сутки.

И Мариса рассказала, что к ней два раза в неделю соседка приходит, а во время рассказа вдруг запнулась и почему-то странно на меня взглянула. А мне что-то даже стало страшно, когда я представила, в каком состоянии женщина была бы, пролежи она здесь ещё одни сутки.

– Ладно, – сказала я, – Мариса, давайте рассказывайте, что есть из еды. Я приготовлю, и перекусим с вами, я вот тоже уже проголодалась.

Мариса рассказала мне, что в доме был установлен холодильный шкаф, который работал так же, как и плита, на артефактах. В холодильном шкафу я обнаружила курицу, которая была магически заморожена. Подозреваю, что это был какой-то стазис, потому что, когда замороженное мясо вытаскивали из таких магических холодильников, оно вроде как оказывалось просто охлаждённым.

Так было и с этой курицей. Поэтому я начала варить суп, посчитав, что пока сильно твёрдую пищу Марисе лучше не давать. Отыскала крупу и поставила вариться кашу: лишней не будет, если что, завтра доедим.

Убедившись, что Мариса вполне способна побыть немного одна, я нагрела воды и помылась с дороги. Вышла и спросила:

– Мариса, а что же у вас это горячей воды-то нету? Вроде

дом такой добротный, да и кран там под горячую воду есть.

– Знаешь, Катрина, – вдруг стала рассказывать женщина, – как война-то закончилась и все начали возвращаться, а мой Ромалес нет... Тяжёлая ситуация началась. Урожай-то ещё с того момента, как он ушёл, созревает. Да и соседи мне помогали его убирать. – Мариса вздохнула и продолжила: – А вот чего сейчас будет... Ну, допустим, договорюсь я, чтобы урожай до конца убрали, а дальше же надо новый сеять. А магия земная, она у Ромалеса была. А у меня-то её и нету.

Мариса прикрыла глаза, как будто бы проверяя, есть у неё магия или нет, после чего продолжила:

– Магии у меня есть немножко: артефакт для кухни какой зарядить... А такие большие вещи на земле только Ромалес мог делать. Рассказывал он тебе?

Я покачала головой и снова ответила полуправду:

– Нет, Мариса, не рассказывал. Мы с ним и виделись-то только один вечер да ночь, а утром он ушёл.

Неожиданно лицо Марисы стало жёстким:

– А ещё с тех пор, как Ромалес ушёл на войну, так и повелось, и староста наш утольский ходит, и дружок его тоже, уговаривают всё: «Зачем тебе такой большой дом и столько полей?» И как только начали они ходить ко мне, так и началось: то насос сломается, то дверь заклинит. Я поэтому и попросила соседку заходить... – Почему-то снова упомянув соседку, Мариса запнулась и посмотрела на меня.

Пауза длилась мгновение, а потом Мариса продолжила:

– Но продавать дом я не хочу. Дом этот муж ещё мой строил, а на поля ещё с прошлым владельцем договор заключён, очень выгодный. Сейчас такие уже не заключают. Если бы найти нам мага, который земную магию практикует, можно было бы их обрабатывать. А эти вон пришли и вынуждают передать им договор, да ещё копейки предлагают. – Мариса замолчала, а потом спросила: – Магия есть у тебя, Катрина?

– Не знаю, – сказала я, – не было пока.

Мариса поджала губы:

– Да чувствую, доживать мне век где-нибудь в отдалённом монастыре.

– А почему вы так говорите? – спросила я.

Мариса грустно вздохнула:

– Да боюсь, не потянем мы обработку земли, и отберут поля. А в этом поселении только арендаторам жить можно, вот и придётся дом продать.

Я покачала головой, стало не по себе от такой мрачной перспективы, но всё же решила спросить о своём:

– Мариса, а вы не против, если я у вас поживу?

– Да так-то нет... – немного холодно сказала Мариса и спросила: – А что ты из города-то уехала?

– Понимаете, Мариса, моя брачная ночь имела последствия, и я жду ребёнка, – сказала я.

Лицо Марисы вдруг изменилось, и я даже испугалась, что она сейчас снова хлопнется в обморок.

– Это правда?

– Ну, вообще, я бы не стала шутить такими вещами. Тем более что из-за этого мне пришлось уволиться с фабрики, и жилья у меня там больше нет. Поэтому деваться мне больше некуда.

И стоило мне упомянуть про фабрику и жильё, как лицо Марисы снова стало подозрительным.

Женщина пристально на меня посмотрела и спросила:

– А ты на дом, что ли, претендуешь? Откуда ты вообще? Родственники есть?

Ну, думаю, всё равно придётся рассказывать, так лучше я сейчас расскажу, чем она потом через какую-нибудь доброжелательницу узнает.

– Вообще, я из приюта, – сказала я ей. – Работала после выпуска из приюта на ткацкой фабрике. Потом вот познакомилась с вашим сыном, мы поженились, и он ушёл на фронт. А через месяц выяснилось, что он погиб. А ещё через неделю стало понятно, что я жду ребёнка. И во избежание проблем я уволилась и решила переехать.

– Ну чего же, – сказала Мариса, – раз уж приехала, оставайся.

Я на неё посмотрела.

– Не верите мне? – спросила.

Женщина потупилась.

– Да я вас понимаю. – Я подумала, что я и сама бы не поверила, но мне надо было её убедить, потому как другого

выхода у меня не было. Я продолжила: – Но вот, посмотрите документы. Хотите – сами проверьте. Или пошлите вон ту соседку, которая к вам ходит. А мне и правда деваться некуда. Скоро живот начнёт расти, на фабрику ходить не смогу. А здесь я, может, вам пригожусь, съезжу, посмотрю на поля.

– Это что, вас в приюте этому учили, что ли? – с подозрением спросила Мариса.

– Да, немного, – начала я сочинять.

Не рассказывать же ей, что у меня бабушка в деревне жила, и я, конечно, немного науки от неё подсобрала. Но в детстве-то знала, как грядки выкапывать, землю рыхлить, картошку сажать, кабачки выращивали. Может, что и вспомню, и если не всю землю сохраним, то хоть частично.

На следующий день пришла соседка, которая присматривала за Марисой, и ею оказалась бывшая невеста Ромалеса Фронира. Мне сразу стали понятны взгляды Марисы, которая, наверное, вместе с этой девушкой и ждала своего сына... А тут я.

Глава 9

Невесту моего «мужа» звали Линара, красивая девица, и судя по тому, как она на меня взглянула, умная, – продуманная и непростая. Взгляд её говорил о многом, я увидела в нём недоверие, смешанное с непониманием и обидой.

Она была выше меня, полнее, видно было, что девица из простых; на руках были мозоли, сами кисти рук тоже были широкие и чуть полные. У Линары было слегка округлое лицо, лёгкий загар на руках и лице, видимо, девушка довольно много времени проводила на свежем воздухе. Тёмно-русые волосы, такого же цвета брови, зелёные глаза, пухлые губы. Скорее всего, для сельского поселения Линара была на ролях первой красавицы. И я подумала, что Ромалес, как перспективный жених, мог выбрать себе лучшую представительницу в этом поселении. Но, к несчастью, судьба его сложилась иначе.

Мне не хотелось лгать, но и рассказать я ничего не могла, хотя очень хотелось. Но как поведут себя люди, узнав, кто я на самом деле? Поверят ли? А мне идти некуда, а здесь дом, в перспективе – работа.

Да, когда-нибудь надо будет обелить доброе имя Ромалеса: парень-то, собственно, ни в чём не виноват. Особенно в том, что его документ попался драконам, которые решили развлечься.

Ведь если бы не произошёл какой-то сбой со мной (я, кстати, до сих пор не могла понять, по какой причине забеременела, если люди и драконы не совместимы), то, наверное, попереживала бы немного и, вероятно, никогда бы даже не подумала приехать на эти сельскохозяйственные территории и в это симпатичное поселение. А Мариса вместе с Линарой, наверное, поплакали бы какое-то время, поддерживая друг друга, а потом Линара вышла бы замуж, родила детей, и началась бы у неё своя жизнь.

Но о Ромалесе Линара бы вспоминала с лёгкой грустью. А сейчас было заметно, что она никак не определится: злиться на него или на ушедших нельзя.

Но пока я тоже чувствовала некоторую неловкость. И если Мариса была вынуждена со мной общаться (как-никак, я всё-таки спасла её да ещё не побрезговала помыть да переодеть), то Линара явно не хотела со мной разговаривать.

– Мариса, а ты проверила документы у своей гостыи? – спросила она обо мне в третьем лице, при этом пристально глядя на меня.

Я почувствовала, что Марисе стало неловко.

– Да, Линара, Катрина мне сама показала.

Я сохраняла спокойствие, стараясь не обращать внимания на то, что Линара специально пытается меня уколоть.

И тут Линара соизволила обратить на меня внимание.

– Ты же не возражаешь, если я проверю подлинность того, что ты говоришь?

Мне, конечно, сразу не понравился такой тон, и даже захотелось сказать: «А твоё-то какое право меня проверять?», но я всё-таки решила, что уж коли я не могу рассказать правду, то пусть хотя бы так она отведёт свою душу.

– Нет, Линара, я не возражаю, – ответила я, но всё-таки не выдержала и добавила: – Только попрошу тебя разговаривать со мной уважительно.

Линара поджала губы, но ничего не ответила. С другой стороны, я же на самом деле ничего и не сделала. Возможно, когда-нибудь я смогу обелить память Ромалиса, рассказать, что он не заключал никакой фронтовой брак, а честно собирался вернуться к своей Линаре.

Ненавижу лгать, но – простите, товарищи – у меня здесь вопрос выживания.

– Документы на руки тебе не дам, – сказала я, тоже обращаясь к ней фамильярно, – а вот номера и даты можешь выписать и взять на проверку.

За даты я не беспокоилась, потому что, когда обнаружилась разница между датой регистрации брака и датой гибели «мужа», мне в военном ведомстве всё переписали и выдали полноценный документ о браке взамен бумажки из регистрационной конторы.

Потом всё-таки Линара пересилила себя и показала мне, что и как в доме. Сказала, что сама приходила два раза в неделю, помогала Марисе убираться.

– Теперь ты появилась в доме, – сказала она, – так что

давай всё сама.

Я не стала ничего говорить, с её стороны это было вполне справедливо. Пока Линара думала, что Мариса – мать её жениха, это было уместно, что она помогала.

А сейчас...

– Да, конечно, Линара, – сказала я. – Здесь это совершенно справедливо. Но ты можешь приходить навещать Марису, когда тебе захочется.

Я не удержалась и подчеркнула, что теперь в доме есть ещё одна хозяйка. Она, наверное, это почувствовала, но ничего не ответила. Но я считаю, что пусть я и испытываю чувство вины, но культивировать его и позволять людям помыкать собой через это чувство – неправильно.

Поэтому и Линаре будет полезно встать на место. Она же ничего обо мне не знает, а уже сделала выводы и попыталась меня обидеть. А я не люблю, когда меня обижают.

Зато я ей была благодарна, что она показала всё, что по дому нужно было знать, чтобы поддерживать его работоспособность.

А уже когда она уходила, я спросила:

– Не знаешь ли ты, чем занимался Ромалес, где находятся поля и как я могу всё это посмотреть?

Линара покачала головой, сказала, что знает, где находятся поля, только приблизительно. Посоветовала обратиться к кому-то из арендаторов земной магии, сказала, что они точно все знают друг про друга и про земли.

Я подумала, что это, пожалуй, лучший вариант: ведь один знакомый у меня уже есть – свёкор моей приятельницы Нинолли.

Проснувшись утром, я помогла Марисе умыться, приготовила завтрак, отвела женщину к столу и поняла, что в таком режиме мы с ней долго не протянем. Она ходила, но слабо, еле переставляя ноги.

Я вспомнила, что в моё время были разработаны специальные ходунки для пожилых людей и тех, кто плохо передвигается. Конечно, можно было просто дать ей в руки стул, и пусть бы она потихоньку его переставляла, но это крайне неудобно.

За завтраком я спросила, есть ли здесь какой-то мастер, который мог бы помочь сделать специальную конструкцию вроде костылей.

Мариса сказала, что да, нужно будет сходить на другую улицу поселения, там, в конце, есть несколько мастерских, только там плотники. А вот если по металлу, то это надо ехать в город.

Оказалось, что тут есть разделение: поселение – это посёлок Утоль, вернее утольское поселение, а есть ещё и город, который тоже называется Утоль, и всё это находится на Норлеттской территории, столица которой – город Норлетт. И тут я поняла, что мне срочно надо изучить местную гео-

графию, потому что в приюте давали всё только широкими мазками.

Так вот, в городе Утоль можно было найти мастеров по металлу.

– Только дорого это всё, – сказала Мариса. – А нам же ещё надо аренду с тобой оплатить.

– А сколько? – спросила я.

Оказалось, что Мариса точно не знает, но стоимость металла здесь дороже, чем в промышленных территориях, потому что здесь его не добывают и не производят.

Заодно я спросила, где посмотреть остальные цены и цифры по хозяйству. Мариса подсказала, где лежат все записи, чтобы я могла сразу посмотреть, сколько примерно приходилось с продажи урожая, какие были у хозяйства затраты, налоги и оплата аренды владельцу.

– Мариса, как ты думаешь, если я сегодня съезжу, посмотрю наши поля? – спросила я, рассчитывая сбегать к Нинолли и попросить её свёкра помочь.

– Да, конечно, съезди, – сказала она, – только лошадь я пока отдала соседу. Но ты можешь сходить к нему, забрать.

И тут мне стало не по себе.

– А что я с ней буду делать? – спросила я.

– Ну у нас есть телега, – сказала Мариса. – Я подскажу тебе, как её запрячь.

– А, ну, телега – это уже легче, – улыбнулась я. – А то уж испугалась, что надо верхом на лошади.

– Да что ты, девочка! Куда же тебе верхом? Ты же тяжёлая...

Я вздохнула. Об этом мне каждое утро напоминала лёгкая тошнота. И, честно говоря, мне было жаль обманывать добрую женщину, которая хоть и сказала вчера Линаре, что поблагодарила её за попытку проверить правдивость моих слов, но, похоже, уже поверила мне и без того.

Но сегодня уехать у меня не получилось. Потому что к соседу-то я сходила, лошадь забрала. Привела к нам, Мариса мне подсказала, где за домом находится небольшой денник, в который я лошадку поставила.

И как только я оглядела новое для меня помещение, то нахлынуло осознание, что теперь к моим обязанностям добавится ещё и уборка за этой лошастью.

Не успела я пожалеть, что надо было лучше договориться и попросить кого-нибудь меня отвезти, как калитка в палисадник бесцеремонно распахнулась, и во двор без всякого стука и предупреждения вошёл большой и грузный мужчина.

Может быть, потому, что я ещё не успела выйти из-за пышных кустов, растущих вокруг дома, он меня не увидел, потому что, не останавливаясь, прямо широкими шагами протопал к входу в дом.

Когда я забежала туда за ним, то увидела, что следы от его грязных сапог протянулись по всему коридору. А сам он уже сидел в кухне за столом, и напротив него сидела Мариса.

Собственно, я её там и оставляла, поэтому, по всей видимости, когда он пришёл, она уже сидела за столом, не пытаясь встать самостоятельно.

Я остановилась в дверном проёме, Мариса бросила на меня взгляд, а вот пришедший мужчина даже не обернулся. «Может быть, у мужика что-то со слухом?» – подумала я.

Хотя он сидел спиной к входу, поэтому видеть меня не мог.

Между тем мужчина наклонился вперёд к Марисе, заставив её вжаться в спинку стула. Стул под ним казался охлипким, хотя был довольно добротно сделан. Но высота и ширина у мужчины были такие, что наша с Марисой мебель казалась изящной по сравнению с ним.

Он наклонился к ней и вкрадчиво спросил:

– Ну что, Мариса, подумала?

Глава 10

Мариса, заметив, что я стою в дверном проёме, аккуратно вздохнула. Мне показалось, что в какой-то момент голос у неё всё же дрогнул.

– Здравствуй, Иварник, познакомься, – сказала Мариса, – вот у меня невестка приехала.

И тут этот Иварник перевёл на меня взгляд.

– Откуда у тебя невестка? Да ещё и приезжая? – спросил он резко.

– Сыночек мой женился перед тем, как уехать на фронт, – сказала Мариса.

Мужик развернулся, снова посмотрел на меня:

– Так это ещё надо проверить. Может, аферистка какая, обманщица.

Мне надоело выслушивать, как меня обсуждают в третьем лице. Я прошла через кухню, села во главе стола и сказала:

– А вы кто?

Он попытался ответить за Марису, но я подняла руку, останавливая её.

– Представьтесь, кто вы, – сказала я, тоном начальника транспортного цеха.

– Староста я утольский, Иварник, – ответил мужчина.

– Фамилия ваша как? – всё так же строго спросила я.

– А тебе зачем? – удивился мужик.

– Мы с вами не знакомы, – спокойно ответила я. – Не буду же я вас по имени называть.

– А как же меня ещё называть-то? – буркнул он.

Я вздохнула:

– Ну вот меня вы можете называть госпожой Фронир. Потому как я вдова Ромалеса Фронира. А к вам я как могу обращаться?

Мне не понравилось, что лицо Марисы стало заискивающим, будто она боялась, что я сейчас нагрублю, и староста обидится. Она поспешила вмешаться.

– Девочка у нас городская, – сказала она примиряюще.

Иварник облегчённо выдохнул:

– Ну тогда понятно. – Потом лицо его снова приобрело уверенное выражение, и он снова наклонился вперёд. – Раз городская, слушай сюда!

Я удивлённо посмотрела на него.

– В общем, – продолжил он, – я матери мужа твоего предлагал, и тебе сейчас предлагаю за тысячу монет передать права аренды. И ещё за тысячу отдать этот дом. Но не просто так, конечно. – Он ухмыльнулся. – Конечно, я понимаю, что он стоит дороже.

Я перевела взгляд на Марису, та побледнела, но пока молчала.

– Переедете в дом помельче, – продолжал староста, – всего в пяти вёрстах отсюда. Там не обязательно быть арендатором, чтобы проживать.

– Это куда же ты предлагаешь переехать? – спросила Мариса с вызовом. – Уж не в Нижнюю ли Утоль?

– Ну а что? – ответил он. – Там река близко.

– Во-первых, не река, а болото! – возмутилась Мариса. – А во-вторых, оттуда все съезжают. Там уже никого не осталось, полумёртвая деревня!

Мужчина сделал вид, что ему приходится выслушивать бред не очень умных баб, и раздражённо фыркнул:

– В общем, предложение ограниченное. Больше вам никто не даст.

Я пока не знала, какой здесь вообще расклад сил, насколько староста может испортить нам жизнь, что там за поля, смогу ли я их обрабатывать. Тысяча монет казалась большой суммой, но, пожалуй, не огромной.

Мариса начала возмущаться, но староста вдруг подозрительно прищурился и посмотрел прямо на меня:

– Или у тебя магия есть?

«Ну конечно, – подумала я. – С чего бы ещё так скоропостижно на мне жениться?» И чтобы не выдать себя, я спокойно сказала:

– Есть, конечно. А ради чего бы я сюда приехала?

Староста поджал губы, помолчал, потом нехотя произнёс:

– Так я, если что, и накинуть могу.

Мне захотелось облегчённо вздохнуть. Похоже, разговор переходил в торг, значит, можно выждать время.

– Ну так вы и подумайте над новым предложением, – ска-

зала я старосте. – А как надумаете, так и приходите. Мы вас выслушаем. Только в следующий раз, если сапоги будут грязные, попрошу снять их возле входа.

Добавила я это нарочно, глядя прямо ему в глаза. Он открыл рот, собираясь что-то сказать, но это замечание сбило его с мысли. Мне того и надо было, не нужны мне сейчас ни его предложения, ни его вопросы. Главное, чтобы он ушёл.

Как только староста ушёл, Мариса набросилась на меня с вопросами:

– Ты что, Катрина! Ты собираешься ему что-то продать?!

– Да нет, Мариса, – сказала я. – Я просто хотела, чтобы он ушёл. Потому что я ещё вообще ничего не понимаю. Я не видела поля, я не понимаю, сможем ли мы нанять мага, не посмотрела, сколько нужно денег, чтобы оплатить налоги и аренду. Я даже не знаю, сколько там на полях урожая и как его можно оценить.

Мариса растерянно посмотрела на меня. Похоже, она тоже ничего этого не знала, сначала всем занимался её муж, а потом сын.

– Я познакомилась с хорошей женщиной, – сказала я. – С Нинолли, она невестка соседа вашего, из пятого дома.

Мариса улыбнулась.

– О! Он сильный маг, Густав Шифонар. Если он согласится с тобой съездить на поля, тогда действительно ты сможешь быстро разобраться, – сказала Мариса.

А потом она рассказала мне хитро продуманную схему местного старосты.

Оказалось, что те арендаторы, которые давно заключали договоры ещё с отцом нынешнего владельца, имеют очень выгодные арендные платежи. А сейчас те, кто заключает новые договоры, платят в несколько раз дороже. Хотя и не катастрофически дорого, по меркам империи это считалось не так дорого, потому что земля здесь плодородная и, имея магию, можно собирать по три и даже по четыре урожая в год.

– А что делает староста со своим поделельником? – Мариса понизила голос. – Они вот так, у тех, у кого начинаются сложности или с войны кормилец не вернулся, – голос Марисы дрогнул, – или, бывает, магия уходит из семьи, выкупают права аренды. А потом пересдают.

– Разве ж так можно? – удивилась я.

– Нельзя, но владелец пока не в курсе. Поэтому они, видать, меняют имя в договоре каким-то образом. А поскольку владелец арендаторов в лицо не знает, ему и всё равно. Ну придёт вместо меня, например, другой человек, владелец посмотрит, поблагодарит за службу, что давно на земле, и не станет поднимать арендную плату. Он же нового в глаза не видел!

– Этот владелец, кто он? – спросила я.

– Большой человек, известный. Только мы его тут ни разу не видели. Даже ещё когда его родители были живы. А вообще, он военный, герой, генерал-дракон.

Я мысленно вздохнула: «Для меня это сочетание уже минус». Но Мариса продолжила:

– В газетах было, он во время последней войны закрыл собой принца, а сам получил тяжёлое ранение от разорвавшейся магической бомбы. Говорят, его чуть ли не по кускам собирали, и после войны службу он оставил. – Мариса вздохнула чему-то своему и продолжила: – И вот вернулся на землю родителей. Видимо, чтобы подлечиться, не знаю, может, и не остаться. Грегори Ландер, – сказала Мариса.

Я решила запомнить это имя. А ещё лучше – где-нибудь найти его изображение, чтобы не дай бог не столкнуться. А если уж судьба столкнёт, обойти стороной.

Вечером пришла Линара. Она выглядела грустной и, присев напротив Марисы, сказала тихо:

– Действительно, Ромалес сочетался фронтовым браком с Катриной Тироссой перед отправкой на фронт.

В глазах её стояли слёзы. Она встала, собираясь уходить. Мариса попыталась её остановить, пригласила поужинать вместе с нами, но Линара, еле сдерживая рыдания, сказала:

– Я не понимаю почему... Простите меня, Мариса. Я буду приходить, но не так часто.

И с этими словами вышла из дома.

А ночью мне приснился странный сон.

Будто я стою посреди огромного, бескрайнего поля золотой пшеницы. Сажусь на корточки и вдруг засовываю обе руки в землю, а они входят, словно горячий нож в масло. Я

опустила их почти до локтей, и в ладонях стало тепло, приятное тепло стало разливаться от моих рук, и я словно стала частью земли, ощутив, где ей хорошо, а где ей требуется побольше влаги, а где в земле устроили гнездо какие-то жучки.

Я прикрыла глаза, наслаждаясь этим ощущением слияния. А через некоторое время тепло сменилось лёгким покалыванием и неожиданно запахло печёным хлебом. Когда я подняла глаза и вытащила руки из земли, то увидела, что колосья на поле стали ещё более золотыми, а головки пшеницы клонятся к земле. И откуда-то пришло понимание: пора собирать урожай.

Глава 11

А утром, проснувшись, я увидела, что руки у меня в земле. Сначала долго не могла понять, что произошло, мне казалось, что я всё ещё сплю. Под ногтями была чёрная земля. В ладони въелась грязь. Я ещё раз себя осмотрела, но не обнаружила никаких следов того, что я куда-то ходила. Кроме рук, всё остальное было чистым: ноги были чистые, одежда, аккуратно сложенная, лежала на стуле.

Я встала, умылась, вымыла руки, хорошенько рассмотрев их. Вроде бы ничего не изменилось, руки как руки.

Но отчего тогда я так ярко помнила ощущения, которые испытывала во сне? Я попыталась вызвать в себе память, но ничего странного не ощутила. Решила первым делом сбегать к Нинолли, поговорить с её свёкром: всё же он маг, возможно, сможет объяснить эти странные видения.

У меня в душе затеплилась надежда: а вдруг и правда у меня есть магия? Ведь слова материальны. Я ляпнула вчера Иварнику, что у меня есть магия, а она взяла и появилась! Если честно, я не знала, как это происходит, но раз уж здесь мир магический, может, и мне немножко повезло?

Я помогла умыться и одеться Марисе и покормила её, сказала ей, что пойду договариваться с Густавом, чтобы он мне всё показал, и что я не знаю, сколько времени это займёт. Мариса успокоила меня, сказав, что она в доме одна спра-

вится.

А я спешила, мне казалось, что каждый день важен; и если здесь всё так серьёзно и с выплатами, и с урожаем, то уже пора было поехать посмотреть хозяйство, да и подумать, смогу ли я его вести.

Улица, на которой стоял наш дом, была длинная, потому что дома были большие, да ещё и земли около каждого дома было много, но прогуляться пешочком по утренней погоде было прекрасно.

Здесь, в этой части империи, погода долго ещё сохраняла тепло, и хотя сейчас заканчивался второй месяц злоты (осени), к полудню, особенно если не было облаков, могло стать и жарко.

У свёкра Нинолли дом был даже чуть побольше, чем у моего «мужа», но и народу там жило много. Помимо Нинолли, в семье Шифонар была ещё своя дочь, и, к сожалению, у неё тоже супруг погиб на войне, и она осталась одна с двумя детишками. Так что мужчина в доме был один, но сразу было видно, что семью свою Густав любит, во внуках души не чает и, несмотря на внешнюю суровость, позволяет им многое. Конечно, в доме, где много детей и трудолюбивых женщин, было чисто и вкусно пахло.

Меня тут же усадили завтракать, навалили целую тарелку пирогов, хотя я и отказывалась, потому что только что позавтракала дома. Но, видимо, в семье Нинолли, как и во многих других семьях ещё в моём мире, было принято не отпускать

гостя, пока он не отведаёт того, что в большом количестве приготовила хозяйка. И мне всё-таки пришлось съесть пару пирогов. «Ну и ладно, – подумала я, – моему измученному городом и фабричным трудом организму это не повредит».

Густав пошёл переодеваться, сказал, что сегодня поможет мне. На мой растерянный вопрос, что делать с телегой, ответил, что пока мне не надо её запрягать, я поеду с ним. Густав разрешил мне взять с собой Нинолли, которая стояла и делала страшные глаза, явно пытаясь подсказать, что мне говорить.

Пока мы ждали Густава, Нинолли повела меня показать, что она уже сделала. За домом была небольшая оранжерея, и Нинолли похвасталась:

– Смотри, какая красота у меня получилась! Правда, Густав мне немного помог, но совсем чуть-чуть.

Из земли в оранжерее торчали разной высоты и вида росточки, а Нинолли сказала:

– С помощью Густава, конечно, делаю, но посмотри, какие я тут травки высадила! Сами-то мы на севере жили, вот и подумала, что, может быть, здесь приживутся наши северные травки. И вроде бы все схватились, только вот самая важная... Видишь? – И Нинолли показала на три хилых росточка фиолетового цвета. – Черница, очень она для здоровья полезная, никак не приживается.

Нинолли с сожалением посмотрела на явно погибающее растение и добавила:

– Густав уже смеётся, что он в неё столько магии вложил, что целое поле приживить можно, а вот черница никак не приживается.

А я вдруг подумала, что эта черница прям как я: чужая здесь, никак не приживается. И так мне её жалко стало, что я присела и погладила вялые фиолетовые листочки. Пальцем стала выравнивать землю вокруг неё и вдруг почувствовала тепло на кончиках пальцев, ровно такое, как ощущала ночью. Только тогда оно было сильное, мощное, покалывающее на всю ладонь и ту часть руки, что была погружена под землю. А сейчас я чувствовала лёгкое покалывание. И только я собиралась сказать об этом Нинолли, как раздался голос Густава:

– Ну что там, бабы, готовы?

Нинолли, улыбнувшись, сказала:

– Ты не обижайся на него, всё-таки мужик деревенский, а мы тут привыкли по-простому.

Я пожала плечами и сказала:

– Да я не обижаюсь, ты что. Мне, наоборот, так даже приятнее, вроде как я своя.

И мы поехали. Оказалось, что от поселения до бескрайних пшеничных полей, за которыми начинались поля с какими-то другими культурами, было около часа езды. Но у Густава была коляска, а не телега, и на ней были установлены кожаные рессоры, что делало ход коляски более-менее плавным, поэтому нас не сильно растрясло.

А когда мы стали подъезжать к первому полю, я привстала на коляске и, взглянув вдаль, увидела, что издалека это всё смотрелось совершенно фантастично: жёлтое, зелёное, фиолетовое и даже розовое. Что там было высажено, было сложно понять, но смотрелось невероятно.

Мы с Нинолли сидели в коляске, а Густав – на козлах. Но поболтать с подружкой не получилось, потому что почти сразу же, как впереди показались поля, Густав сказал:

– Хочешь учиться – садись поближе и слушай.

Так я узнала, что чем ближе были к поселению поля, тем дороже.

Когда подъехали к полям, Густав сказал, что до моих полей ещё долго, и рассказал почему:

– Когда ещё был жив отец Ромалеса, он был сильный маг, и он специально взял дальние поля: там совсем была мёртвая земля. Вот он копейки и заплатил. И договорился с прежним лордом-владельцем, что и сейчас, до сих пор, владелец на те поля аренду не поднимает.

Вскоре мы подъехали к полям Густава, они находились примерно посередине от Утоли до моих полей. Я посмотрела: на полях Густава пшеница стояла ровными золотыми рядами, как будто выстроившись на плацу; на соседнем поле была капуста, а ещё на двух других росло что-то другое. Присмотревшись, я увидела пухленькие, ровненькие, как будто нарисованные кабачки.

– Кабачки! – воскликнула я.

– Верно, – кивнул Густав, заметив, что я присматриваюсь.

– А там дальше – томаты.

– Где же вы столько воды берёте, чтоб поливать? – не удержавшись от улыбки, спросила я.

– Ну как же где? В земле. – Густав тоже расплылся в улыбке. – Позовёшь магией – и она сама приходит.

И вдруг я увидела, как он опустился на корточки, и ровно так же, как в моём сне, его рука вошла в землю. Вот только не по локоть, как у меня было, а слегка, только пальцы закрыла. Заметив, как я пристально смотрю, Густав сказал:

– Мы, земные, как другие, руками по воздуху водить не можем, земля – она тепло любит, контакт.

– А почему вы только вот совсем немножко опустили пальцы в землю? – смутившись, спросила я, пока не решив, нужно ли ему рассказывать про свой сон или нет.

А вот Густав мне открыто рассказал:

– Чем больше земля ухожена, тем меньше ты магию используешь. Были случаи, когда земля-то совсем мёртвая была, так магу приходилось целиком под землю уходить, чтобы услышать, где соки земли и где проблема находится, что нужно сделать, чтобы её решить.

Густав окинул взглядом свои поля, и во взгляде у него была и любовь к земле, и благодарность. Он продолжил:

– А свою землю-то я знаю. Каждый день езжу, смотрю. Так что мне достаточно иногда даже на полпальца ладонь опустить, чтобы услышать.

После того как мы поехали к полям, которые принадлежали семье Фронир, я вдруг поняла, что имел в виду Густав, когда упоминал, что ехать до них далеко. Ехать до моей земли было долго. От полей Густава мы ехали ещё час, не меньше, значит, от Утоли – около двух с лишним часов. Я подумала, что это хорошо, что сейчас у меня пока срок маленький, а так, на грунтовой дороге – как я буду трястись в телеге? Надо бы узнать, есть ли возможность усовершенствовать телегу, сделав её хотя бы такой же мягкой, чтобы не растрясись, пока доберусь до своей земли.

Пока ехали до моей земли, я рассказала Густаву и Нинолли, что приходил Иварник и угрожал, предлагая выкупить за тысячу монет аренду, а ещё за тысячу монет – дом.

– Вот же свинья какая! – стал ругаться Густав. – Да ваша земля, да даже в таком состоянии с такой-то арендой, не меньше десяти тысяч монет стоит! А уж дом... Я же сам строил! Такой дом стоит все тридцать пять тысяч! Там же и канализация, и водопровод.

Я сразу же сказала, что никакой горячей воды нет.

– Скорее всего, это староста вам отключил. Выживает, – сказал Густав и после секундной заминки предложил: – Хочешь, я с ним поговорю?

А я испугалась, что из-за меня у Густава и его семьи будут проблемы, и, замотав головой, сказала:

– Да нет, пока не надо.

Подъехав к своим полям, я поняла, что Густав имел в ви-

ду, говоря, что они не в лучшем состоянии. По сравнению с полями Густава казалось, что пшеница незрелая, а зелёное поле чуть дальше явно нуждалось в дополнительном поливе.

Густав опустился на корточки и возле моих полей.

Но не успел ничего сделать, как из-за поворота, за которым начинался небольшой лесок, верхом на лошадях выехали четверо, и впереди был староста.

И у меня создалось впечатление, что они либо здесь постоянно ошиваются, либо они знали, что мы едем сюда.

Глава 12

– Так, так, и кто это у нас здесь? – произнёс староста.

Я пока молчала, несколько малодушно понадеявшись на Густава.

– Доброго дня, Иварник, – спокойно произнёс Густав.

Но староста, видимо, не отличался особенным воспитанием, поэтому взаимно здороваться не стал.

– А что ты тут делаешь? – на мой взгляд, несколько грубо спросил он Густава.

– Новой хозяйке помогаю, – с достоинством ответил Густав.

Иварник соизволил перевести взгляд на меня.

– Городская, – радостно сказал он, – ты чего, продавать передумала?

Мне пришлось вылезать из-за широкой спины Густава, как бы комфортно там ни было.

– Так я предложения жду, – сказала я, строго взглянула на старосту и его сопровождение и спросила:

– А вы что тут делаете?

Я вот точно не знала, могут ли они находиться на арендуемых другими арендаторами землях, но... Где наша не пропала?

Мне показалось, что староста от такой моей наглости даже опешил. Только этим я и могу объяснить, что он вдруг начал

почти что оправдываться:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.